

ние первостепенной роли визуального восприятия в познании и осмыслении мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
2. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. *Семененко Н.Н.* Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Семененко. – Белгород, 2002. – 191 с.
4. *Шаев Ю.М.* Визуальное восприятие: между присутствием и смыслом / Ю.М. Шаев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – Вып. 12. – С. 45–49.

Т. С. СЕРГЕЕВА

доктор искусствоведения, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Россия, Казань

serguva@mail.ru

«ЕВРАЗИЯ» ИКУРУ КУВАДЖИМЫ: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается на основе искусствоведческого анализа, как в фотопроекте «Евразия» И. Куваджимы проявляется японская эстетика. Автор приходит к выводу, что именно благодаря этому фотоработы И. Куваджимы приобретают свой, оригинальный стиль, который в большей степени оценен на Западе, учитывая его выставки в Европе и России. Поэтому смысловая интерпретация творчества И. Куваджимы возможна только в контексте межкультурного диалога.

Ключевые слова: фотоискусство, фотожурналистика, этнофотография, фотосери́и, фотокнига, японская эстетика, межкультурный диалог, Икуру Куваджима.

В XXI веке наблюдается всплеск интереса к этническим культурам: создаются документальные фильмы, организуются фольклорные фестивали, появляются сотни фотографий на этнотему в различных изданиях и на специализированных сайтах. Цель – запечатлеть те остатки архаических культур, которые сохранились до наших дней.

Когда фотохудожник обращается к этнотеме, всегда возникает диалог культур в его синхронном и диахронном измерении: современной культуры – и традиционной архаики; культуры, к которой принадлежит фотограф, – и этнокультуры, попадающей в объектив фотокамеры. Для творчества Икуру Куваджимы характерен межкультурный диалог, если так можно сказать, «в утроенной степени», поскольку биография художника строится на пересечении многих стран [1], но, прежде всего, на пересечении стран Востока и Запада. И только в этом культурном пространстве взаимных притяжений и отталкиваний можно понять самобытность творчества И. Куваджимы. На примере его проекта «Евразия», посвящённого фотоисследованию культуры и быта народов Поволжья и Севера России [2] рассмотрим, как японский менталитет и эстетика проявляются в его фотоработах. Не случайно в центре внимания фотохудожника оказались не российские города, а удалённые уголки России, где проживают народности, сохранившие свои древние самобытные традиции (например, ненцы и марийцы). Ведь он – представитель японской культуры, для которой характерно особо бережное отношение к прошлому, к наследию. И хотя И. Куваджима считает, что он – не в полной мере японский фотограф, поскольку начал фотографировать в Америке, учился фотографии в Европе [5], однако в его работах, особенно, в его «Евразии» мы находим очевидное проявление восточной и, точнее, японской эстетики. Притом, парадоксально, что сам художник не является знатоком японского традиционного искусства, предпочитая русскую и японскую литературу, российский кинематограф, а также современное западное концептуальное искусство [5]. Таким образом, японская эстетика в работах Куваджимы, на наш взгляд, работает на подсознательном уровне. Первое, на что обращаешь внимание – это предпочтение фотосерий и фотоисторий в форме фотокниг, притом созданных в виде традиционного свитка (подобно пейзажной живописи), который автор сам клеит, тщательно подбирая бумагу по качеству, цвету и т. д. [1].

Куваджима родился в Японии в 1984 году, с годовалого возраста до 4-х лет жил с родителями в США, после чего вернулся в Японию, где окончил школу и сформировался как личность, затем учеба и работа в США, а с 2010 года – независимые творческие проекты в Европе, России, Казахстане и других странах [5]. Свои фотокнижки художник выстраивает на основе главного, стержневого снимка, объединяющего вокруг себя мозаику второстепенных фотоизображений, что побуждает творческую фантазию зрителя индивидуально устанавливать смысловые ассоциативные связи, их взаимодополнения и противопоставления. Можно предположить, что такое тяготение к фоторассказу связано с тем, что Куваджима по образованию журналист и начинал с репортажной фотографии, работая в американских СМИ. Вероятно, его привлекает фотоистория как пограничный жанр, в равной степени принадлежащий и фотожурналистике, и фотоискусству [1]. Более того, одной из современных тенденций в сетевых СМИ, которую отмечает сам И. Куваджима, яв-

ляется стирание граней между фотожурналистикой и фотоискусством [3, с. 278]. Остановимся на проявлениях японской эстетики в работах И. Куваджимы. В сериях «Марий Эл» и, особенно, «Ненцы» он выстраивает композицию так, словно создаёт экран или некое театральное пространство, в котором изображённые люди воспринимаются как куклы. Для японского традиционного театра Кабуки, Но, Бунраку характерна так называемая «марионеточная эстетика», где кукла первична, и даже актёры с их гримом и масками больше напоминают кукол. Эта композиционная особенность у Куваджимы подчёркивается ещё и ярким цветовым решением. Другая особенность – это статичность фотографий японского художника, наряду с лаконичностью и внешней простотой (ваби – «непритязательная простота» – категория японской эстетики [4]), что отсылает, с одной стороны, к японской живописи. А с другой, – статичен по-своему и японский традиционный театр. Кроме того, фотоработы Куваджимы наполнены символами и скрытыми смыслами, что характерно для японской художественной традиции в целом, как восточной, и для традиционной, сформировавшейся в период Средневековья. Даже в документальных работах автора считается метафизический подтекст, как, например, в фотографии «Во дворе мечети Марджани», где образ собаки можно трактовать в буддийском ключе: «Великое – в малом». Куваджима часто использует в фоторассказе такой прием, как «символический кадр». Например, в череде старых семейных документальных фотографий (найденных в марийских деревнях) появляется снимок с бабочками-шоколадницами как символ мимолётности и эфемерности жизни. Символический кадр по воздействию подобен вспышке. Не случайно Куваджима неподдельный интерес проявляет к марийской культуре, в которой до наших дней сохранились архаические языческие традиции. Она как никакая другая по обрядам поклонения и обожествления природы, вере в духов и колдовство напоминает синтоизм с его культом природных сил. Особое отношение у японского фотохудожника к марийскому лесу, его деревьям и соснам. Примечательно, что «ненецкая серия» почти полностью снята в интерьере. Как комментирует автор, он захотел разбить стереотипы восприятия ненцев [5]. Посмотрите фотографии ненцев в Интернете – они однотипны по атрибутам: чум, снег, олени. У Куваджимы – всё по-другому: семья, дети в интерьере дома или школы. В основном, здесь представлена постановочная фотография, много портретов, для которых часто используется фон «экрана», своеобразное цветовое решение. В марийской серии большое место занимает тема смерти: поминальные и похоронные обряды. И опять можно проследить параллели с Японией, с её особым отношением к смерти, истоками связанным с традициями самураев (бусидо – «путь самурая»). Ещё одна тема, близкая художнику, – это интерес к тому, на чём лежит печать времени, это культ красоты старого: будь то человек, дерево, дом или др. Как здесь не вспомнить другую категорию японской эстетики – саби («прелесть старины»). По этому поводу глубокомысленно и

афористично заметил Дзэниро Танидзаки: «...мы, японцы, отдаем предпочтение тому, что имеет глубинную тень, а не поверхностную ясность» [4]. Безусловно, все эти тематические параллели нам нужны, чтобы понять, что притягивает внимание японского фотохудожника, что он выделяет и как смотрит на мир, как расставляет акценты в своем творчестве. Это касается и тематики, и фактуры, и средств выразительности, композиции, работы со светом и др. Всё это придает работам фотохудожника оригинальность, некую «странность», своеобразие. На примере «Евразии» можно прийти к выводу, что, несмотря на то, что сам художник позиционирует себя как «гражданина мира», японская эстетика и менталитет отражены в его творчестве в полной мере. На наш взгляд, именно благодаря этому фотоработы И. Куваджимы приобретают свой, оригинальный стиль, который в большей степени оценен на Западе, учитывая его выставки в Европе и России. И последнее. Рассматривая героев фотокниг Куваджимы, обращаешь внимание на то, как они естественны и открыты. Это говорит об умении автора фотографий установить доверительные отношения, расположить людей к себе, не нарушить местных законов, никого не обидеть. Как здесь не усмотреть связь с японским речевым этикетом, главная особенность которого заключается в повышенном внимании и чуткости к собеседнику. Для Икуру характерны такие японские качества, как умение довольствоваться малым и стремление к красоте (творчеству), скромность и внутренняя сила, открытость новому и определённый консерватизм. Таким образом, знание особенностей японского менталитета и эстетики приоткрывают глубинные смыслы творчества И. Куваджимы, которое в контексте высшего предназначения фотоискусства направлено на содействие взаимопониманию между людьми, то есть межкультурному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушов А. Репортаж. Документальная фотография / А. Бушов. – URL: <http://photoconcept.ru/> (дата обращения: 12.09.2016).
2. Евразия Икуру Куваджимы. – URL: <http://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedrateorii-i-praktiki-elektronnyh-smi/evraziya-ikuru-kuvadzhimy-235612.html> (дата обращения: 12.08.2016).
3. Куваджима И. Трансформация технологий публикации фотографий в масс-медиа в контексте сетевой журналистики // Мультимедийная журналистика Евразии – 2013: интертекстуальность новых медиа и феномены культуры в медиапрактике в едином глобальном информационном пространстве Востока и Запада. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – С. 277 -278.
4. Овчинников В. Ветка сакуры / В. Овчинников. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=42477> (дата обращения: 08.08.2016).
5. Сергеева Т.С. Интервью с И. Куваджимой: аудиозапись / Т.С. Сергеева. 30 июня 2016.